

ПРОЛЕТАРСКОГО
ТУРИСТА

А
БИБЛИОТЕКА

Н. ЛОВЦОВ

В ГОРАХ
СЕВЕРНОГО
УРАЛА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1930

Книга оцифрована и предоставлена для скачивания в рамках некоммерческого, культурно-просветительского проекта:

Данный проект направлен на поддержку писателей-путешественников, распространение знаний об Уральском регионе, предоставление доступа к редким книгам всем интересующимся.

Электронная библиотека проекта: <https://book.exje.ru>

В ГОРАХ СЕВЕРНОГО УРАЛА

1

Я ехал к центру северо-уральских угольных разработок, в Кизел-копи.

Чтобы попасть в Кизел, в Перми необходимо было пересечь на Горнозаводскую линию. Пока носильщик возился с билетом, я разговорился со стареньким учителем, одетым в истертое, порыжелое пальто. Устремив глаза на городские строения, он грустно качал головой.

— Вот, Пермь, город молодой, в 1778 г. основан, а какое у него будущее! Нефть ведь, батенька мой, не выдумка, тут она, недалеко. Переменит она лицо этого города! А еще Пермь знаменита и прошлым, в ней вот сколько великих людей выросло. Возьмите Попова, первого изобретателя беспроволочного телеграфа, или Верещагина — художника. Только о них-то пермяки забыли. Да еще Пермский край первый начал механизировать нашу старенькую тележную Русь. В 1817 г. на станках Пожевского завода был построен первый в России пароход. А в 1839 г. на том же заводе выковали и первый в России паровоз. И ходил он по первой же в России железной дороге от Петербурга до Царского Села.

— Ну, а теперь что вырабатывает этот завод?

Но подошел мой носильщик и сообщил, что состав на Чусовую и к Кизелу подан и посадка началась. Я с сожалением простился с дряхлым учителем, но он вызвался меня проводить.

— Вы спрашиваете, что с Пожевским заводом? Молчит он, батенька мой, до революции остановился, говорят, руды нет, выработалась...

Вокзальный колокол стукнул два раза. Я торопливо пожал костлявую руку и бросился к вагону. И только успел найти свое место, как вагон качнулся, буфера взвизгнули, и мы помчались к горам, в суровые уральские леса.

От Перми до Кизела шел только один вагон. Остальные доходили до станции Чусовой, от нее направлялись по Горнозаводской линии к Свердловску.

В вагоне, на станции, на разъездах только и слышны разговоры о нефти. Ее пульс бьется сквозь насыпь, шпалы и рельсы всей Пермской железной дороги. Кто знал, что в каких-то Чусовских Городках, на глубине 40 м, разведчики наткнутся на нефть? Первый же ковш этого жидкого топлива исковеркал пятилетний план уральской промышленности. Нефть грозит изменить все лицо Урала. Она уже заставила свернуть старые чертежи и проекты и сесть за новые.

Наш поезд набит рабочими. Больше всего едет татар и башкиров. С женами, с детьми, с котомками, в теплых меховых шапках, похожих на чугунные котлы, на остановках они усаживаются кучками и толкуют о заработке.

Татары и башкиры с давних времен после полевых работ идут на добычу угля. На Урал они едут из Уфимской, Казанской и Нижегородской губерний. Они испытанные спецы-сезонники. Но неожиданно в их традиционный распорядок жизни вклинилась нефть. А вдруг на нефти больше платят, а вдруг работа легче? Но неизвестность — она пугает. На копиях они знают свои квартиры, знают штейгеров, техников, привыкли к условиям работ, там же у них и земляки, родственники, знакомые. Копи — их вторая родина. Ну, а нефть — это что-то неопределенное. За ней не надо спускаться в шахту, там нет и забоев. И пока перевес на стороне углекопов.

Но иногда слышится молодой задорный голос:

— Айда нефть добывать!

Старики злобно обрывают:

— Пусть нефть чушка ашат... Айда на уголь. Кизел, Губаха, Половинка.

Нефть чужда им. Рабочие из крестьян еще не доверяют ей. Для них пустой звук, что первая скважина дает 20 тонн нефти в сутки. Они еще не могут ощутить, что это целый угольный поезд вагонеток, что это работа сотни углекопов.

Мы проезжаем станцию Валежную. От нее до Чусовских Городков двадцать километров бурелом, валежник, зыбкой мшистой почвы, под которой на глубине 300 м спрятаны нефтяные озера, а может быть, и целые моря!

На Валежной сошло несколько десятков рабочих и человек пять техников, отцепили два вагона с приборами от Азнефти, и поезд тронулся дальше. Поздно вечером мы врываемся на кружевной мост через Чусовую. Паровоз тяжело отдувается, хрипит, тормозит. Здесь остановка белее часу, маневры. Часть состава пойдет на восток, а к нашему вагону подцепят несколько товарных, и мы пойдем прежним курсом на север.

За станцией, сонной, жаркой, закуренной, блещет электрическими глазами железодельный Чусовской завод. На нем выделывают листовое железо, котельное, тянут проволоку, прокатывают рельсы. На нем же изготавливаются и фермы для железнодорожных мостов.

Под ногами сталью блестит Чусовая. Серые скалы частоколом огораживают берег, мохнатые рукава елей и пихт рисуют на глади реки причудливые узоры. Иногда всплеснется рыбешка, стрелой прорежет щука — река зарябится. Я долго не могу оторваться от этой далекой реки. Чусовая — когда-то единственный путь сообщения Европы с Азией. По ней Ермак плыл на своих стругах. Чусовая — его коммуникационная линия в походе на Сибирь. Здесь каждая пядь земли — память ермаковых дней. Что ни шаг, то либо утес какого-нибудь есаула, либо камень Ермака, либо городище.

И в наши дни Чусовая не утратила своего значения. По Чусовой через Каму и Волгу к Каспию едет лес. Каждую весну длинные плоты тянутся по Камско-Волжскому простору. Высокие избы, причудливые башни, расписанные береговой охрой наличники, гирлянды цветных флажков — медленно и важно плывут к далекому морю.

На станции движение. Паровоз нетерпеливо пыхтит, сцепщики машут красными фонарями, перекликаются голосами сигнальных рожков. От Чусовой идем по Луньевской ветке. История Луньевской ветки не лишена интереса. Задумана и построена она по прихоти уральского магната Демидова — владельца большинства заводов и копей. Миллионер решил, что вывозить продукции своих заводов по ухабистым и извилистым горным дорогам невыгодно. Он съездил в Питер, потолковал в Министерстве путей сообщения, смазал руки алчных чиновников и вернулся с утвержденным условием, по которому правительство брало постройку на себя, Демидов же для дороги должен был отпустить только рельсы. За это он выговорил себе в течение первых лет эксплуатации бесплатную перевозку своих фабрикатов.

Тысячи людей были согнаны в горы, леса, на болота. Тысячи людей, засучив рукава, вручную врезались в уральский гранит. Когда постройка была закончена, производитель работ не досчитался половины рабочих. Гнус, лихорадка, медведи унесли много человеческих жизней. Люди работали лето, осень и зиму. Люди носилками возили насыпи, кирками и лопатами срыли горы и на сотне с небольшим километров уложили демидовские рельсы. В результате в демидовские сейфы лег не один лишний миллион прибыли, ну а тысячи загубленных человеческих жизней магната не интересовали.

Поезд трясется, словно в припадке малярии. Луньевская ветка — одна из худших дорог страны. Она готовилась наспех, и только теперь ее приводят в порядок.

Паровоз то-и-дело свистит. Эхо возвращает гудки тысячами переливов. Многоголосые гаммы плавают в горах. Не успевают проводники закрутить у товарных вагонов тормоза, как машинист требует их ослабить. Мы качаемся, поднимаемся и падаем, как на волнах. Крутые подъемы чередуются с такими же спусками.

В нашем составе всего три пассажирских вагона. Остальные — товарные. На станции Чусовой нас из ускоренного переделали в товарно-пассажирский, и мы подолгу стоим на каждой остановке.

Пятилетка должна изменить лицо Луньевской ветки.

Она будет электрифицирована. Есть даже проект соединить Урал с Архангельском.

Со мной едут железнодорожники. Они против электрификации.

— Сделать две колеи, и кончено.

Они считают, что копи не смогут выполнить задание пятилетки.

— Зачем электровозы? Чем хуже наши «Ж», или «Щ»? Эти паровозы любой состав вывезут. Подумаешь — электрическая тяга, когда угля не так много. Обходились ранее без этого...

Вдруг паровоз тревожно свистит. Слышно, как стонут ржавые тормоза. Вагоны налетают одни на другой. Мы бросаемся к окнам. Сквозь утреннюю мглу видны обомшелые зубцы гор, хмурые ели и блестящие слезами тумана пихты. Поезд остановился среди гор, в лесу. Железнодорожники торопливо бегут к выходу. Я спешу за ними. У паровоза толпа, возле — лужа крови. Маленькая струйка ползет под откос.

Машинист и кочегар весело гогочут.

— Что такое?.. Кого задавило?..

— Медведя, — широко улыбаясь, отвечает кочегар. — Вот он!..

Кочегар наклоняется и вытаскивает из-под колес два жирных медвежьих окорока. Голова, грудь и передние лапы зверя вывалены в песке и политы маслом — все скаталось в один комок.

— Ты хоть одну-то ногу дай нам, — и проводник нашего вагона тянется к кочегару.

— Вишь, чего захотел. Сам сходи, да поохотись.

— Да, разве ты с паровоза стрелял? Быдло ты, черномазое...

Кочегар улыбается еще шире.

— Дурак ты, а еще проводник. Вестимо дело, охотился. Вместо гончей наш паровоз был. Идем мы здесь под уклон, смотрю вперед, а из-под насыпи косолапый вылезает. Мы к нему, а он на шпалы сел. Я за свисток, думаю, испугаю. А он, гад, в шпалы-то уперся, глотку как размахнет и того и гляди весь поезд заглотит. Поддали мы пару, да как на него наскочили и сделали конец его медвежьей жизни. Однако пора. Едем дальше.

Он вспрыгнул на паровоз, мы кинулись к вагонам.

Рассвет спустился в низины. Из-под гор мелькнули красные лучи солнца. Золотистые отблески заиграли на реке Косьве. Длинный хобот скалы спустился у железнодорожного моста в воду. За Косьвой угольный город, станицы и копи Губаха. Через реку к поселку переброшена канатная дорога. С одного берега на другой к новой обогатительной фабрике, коксующей уголь, идут тенетами подвесные мосты. Сзади сурово глядит на человеческие замыслы Крестовая гора. Ее вершина дымится, словно гора горит. Пылает уголь верхних штолен. Еще в прошлом году пожар был внутри, под землей, а теперь огонь вырвался наружу.

За Губахой — копи Половинка. Запах гари и угольная пыль наполняют воздух. В Половинке поезд стоит несколько минут. Из окон видно, как смена углекопов с зажженными лампочками, в широкополых парусиновых шляпах выходит из шахт. С шутками, со смехом они спешат под души, а там домой, отдыхать.

Наконец мы подъезжаем к центру северо-уральских угольных разработок. Поезд подходит к Кизелу. Здесь депо и смена паровоза, но меня это уже не касается. Я слезаю. Кизел — моя конечная станция.

Кучер-татарин гонит шустрюю сивую лошаденку через сонный, пустой город. Мы поднимаемся на гору, спускаемся к пруду. За прудом желто-ржавая река Кизел. На берегу и по склонам гор — шахтерский поселок. Внизу под горой грохочут маленькие электровозы. К линии железной дороги, к погрузочной станции угля по бункеру ползут вагонетки со свежесрубленным углем. Высокие трубы электростанции коптят безоблачное небо. Из недр земли, из трех копей — Володарского, Фрунзе и Ленина — то-и-дело выкатываются угольные составы. Я начинаю чувствовать биение каменного сердца. Над копиями шум: звонки электровозов, грохот компрессорных машин, методичные перепевы дизелей. Справа от копи им. Фрунзе за высоким забором высится деревянная башня. Штабеля леса, сотни бочек цемента аккуратно сложены около. Смены подвод то-и-дело подвозят новые материалы. Здесь заложена первая в Кизеле вертикальная шахта — Капитальная № 1. В 1933 г. эта шахта должна дать 500 000 тонн высокосортного угля. Во всем Кизеловском районе таких шахт заложено шесть, предполагают, что они дадут в первый год эксплуатации 3 млн. тонн угля. Но руководители работ уверяют, что не исключена возможность довести добычу и до пяти миллионов. В наше время все зависит не от проектов, а от желания и воли рабочих.

II

В полдень явился сухой, среднего роста блондин. Он критически оглядел меня, медленным движением вытянул из-за ушей маленькие очки в белой металлической оправе, посмотрел строже.

— В гору вы пойдете или кто другой?

Механик Ленинской копи, у которого я остановился, утвердительно кивнул головой.

— Да, Реш, будь проводником. Покажи наши шахты. Маршрут тебе известен, особенно не нажимай. Устанут еще.

— Хорошо, — коротко ответил Реш и повел меня и пермского доктора Котова осматривать Ленинскую копь.

Между двух гор, в долине речушки Кизел расположились одна против другой две копи: Ленинская и Фрунзе. Долина, шириной с полкилометра, прорезана сетью узкоколейных путей. По верху тенета электрических проводов. Маленькие, приземистые электровозы выкатывают из забоя уголь, подают к лебедке. Около лебедки на распределительных путях работают крепкие, похожие на битюгов, лошади. От лебедки вагонетки идут на бункер. Несколько десятков рабочих к работниц перехватывают их с электровозов, подцепляют к конским валькам, довозят до лебедки. У лебедки опытные зацепщики зацепляют узлы стального каната за вилки вагонеток, и уголь пополз на бункер. С обратной стороны по тому же канату спускаются порожние вагонетки. И так конвейер непрерывен до 22 часов. Там отдых на восемь часов, и с 6 утра снова поток угля к бункеру, а от него в американские угольные платформы.

Реш не дал нам осмотреть наружную механику копей. Он засветил лампы и торопливо нырнул в черную пасть горы. С трудом поднимая тяжелые шахтерские сапоги, которые нас заставили надеть, мы поспешили за ним. Холодный, сырой ветер дохнул в лицо. Сырость охватила тело. Ноги увязли в грязи. Неожиданно нас окружила темная, непроглядная ночь.

— Головы ниже, головы! Провод!..

— Хорошо ему кричать. Разве за ним утонишься, — недовольно бурчит доктор Котов, запинаясь о старые шпалы.

Реш, не слушая, ведет нас по темным подземным коридорам. Иногда его лампочка мелькает сбоку, иногда оказывается позади нас. Мы идем по главной штольне. Навстречу часто попадаются шахтеры. Одни ремонтируют путь подземной железной дороги, другие выкатывают из забоев вагонетки, третьи возвращаются с работы. Электровозы, разбрасывая по каменному своду электрические искры, несутся к свету, на волю. Подпрыгивая на стыках, за ними бегут вагонетки, набитые жирным, блестящим антрацитом.

Мы спешим увидеть работу мощных врубовых машин. Они работают на тринадцатом штреке — в самом последнем коридоре. Путь нам кажется длинным, бесконечным. Мы все еще не можем одолеть и главной штольни, а впереди еще седьмой штрек, десятый, спуски...

Со стен течет вода, с потолка каплет. Холодно. Мне кажется, что в знойном июле наступила холодная непроглядная осень. Шахтерские лампочки еле мерцают, а там, где штольня широка, мы не различаем даже боковых стен. Мы идем по шпалам.

Шаги гулко отдаются под сводами. Около боковых коридоров, как их называют здесь — ходовых, в нижние штреки ключами бьет вода. Местами слышится грохот водопадов. Часто этот шум перебивают вздохи компрессорных станций, выбрасывающих насосами в реку Кизел сернистую, желтую воду.

Мы долго кружимся по лабиринтам подземных коридоров.

— Вот это седьмой штрек. Теперь остается десятый, а там и последний тринадцатый. 350 м от спуска, а от вершины горы и все 700, — безразличным тоном говорит Реш, поднимая палец.

Он поворачивает в какой-то переулок, подводит к черной пропасти и сам исчезает в ней. Из глубины слышится тяжелый вздох, чуть заметно мелькает лампочка. Мы с доктором наклоняемся над таинственным колодезцем, но спуститься не решаемся.

— Спускайтесь, чего там... — торопит нас Реш.

Мы молчим. Доктор смотрит на меня, я — на него. Мы оба впервые в шахте — у нас есть основания не доверять Решу. Черт его знает, еще затащит куда-нибудь! Однако куда же он может затащить?

— Ну, ну...

Нам остановится стыдно. Я первым спускаю ноги, носками сапог нащупываю ступеньки, руками ловлю перила. Вниз с грохотом скатывается мелкий уголь. В спину бьют тоже угольные камин.

Это доктор спускается.

— Тише... тише... — недовольно ворчит наш проводник и машет лампочкой.

Его мы не можем различить, но тусклое пламя шахтерки указывает направление. Я крепче цепляюсь за перила, освещаю примитивный трап ходового с седьмого на десятый.

Внизу мы присаживаемся. Спуск в 70 м под углом в 40° дает себя чувствовать. Реш же неожиданно начинает выговаривать:

— Долго же вы спускались. Имейте в виду, что у нас на Урале в шахты спускаются на ногах. Наши шахты горизонтальные. Вертикальные там, в Донбассе. Там можно и на клетки съехать. Ну, торопитесь. Сейчас прямо пойдём на тринадцатый.

Мы хотели было ещё посидеть, передохнуть, но лампочка Реша уже впереди. Мы покорно плетёмся за ним. Толстые мокрые столбы подпирают своды шахт. В некоторых местах крепёжный лес стоит вплотную, бревно к бревну. В других реже. Только мы успеваем нагнать Реша, как он вновь исчезает в подземном люке. Его так и тянет в недра, как-будто он задался целью добраться до центра земли. Но здесь спуск легче, и, кроме того, Реш идет медленнее.

Я в душе злорадствую, что он начинает сдавать.

— Ну, вот и тринадцатый...

Навстречу несется гул. Стонут узенькие ржавые рельсы, содрогаются стены шахт. На стыках рельсы визгливо кричат.

— Стой, жмись к стене, к породе! — торопливо кричит Реш и сам плотно прижимается к обугленной глыбе камня. Мы следуем его примеру. Черная, липкая и холодная грязь со стен ползет на нашу одежду.

Из глубины, из влажного мрака вырастает пронзительный свист: словно сказочный Соловей-разбойник сзывает своих молодцов. Рельсы, гремя оглушительнее, рокочут стальными придушенными переливами. Мы поднимаем лампочки. На наш свет ползет косматая голова каурого коня. Лошадь наваливается крутой грудью на тугой хомут, струной натягивает постромки и волочет шесть вспухших от угля вагонеток. Башкир-погонщик лежит на угле и свистит во все свои степные легкие. Его глаза закрыты. Видимо, он наслаждается высокими нотами и диким эхом подземных коридоров. Править конем ему нет надобности. В шахтах один путь — по рельсам. Да и кони привычные.

Поезд проходит, рельсы в последний раз вздрагивают и замирают. Где-то всплескивается вода. Наступает гнетущая тишина. Мне кажется, что мы попали в склеп.

— А где, вот, работает врубовая машина?

Реш растерянно смотрит на нас. Он монтер компрессорной станции, но на тринадцатом штреке станций нет, и поэтому для него план последнего штрека такая же загадка, как и для нас. Он знает лишь по рассказам о забоях с врубовыми машинами. И теперь он растерянно освещает встречные забои, прислушивается.

Проходит часа полтора в томительных поисках врубовой машины. Подземные улицы бесконечны, пустынно. Мы раза два уже присаживались, курили. В одном из забоев видели троих углекопов. Они работают вручную, обушками, особыми кирками со стальными наконечниками, которые в случае поломки заменяются новыми, запасными. Возле них в вагонетках около 60 тонн угля, а дальше задержка в работе. Требуется подорвать динамитом упрямый пласт. Запальщик обещал прийти еще часа два назад, но до сих пор его нет.

— Вот чёртова душа! Сдельно работаем, а его нет... — ворчит старый седой забойщик, досадливо сплевывая. — Увидите — гоните к нам.

Мы обещаем.

Поиски врубовой машины уже начинают надоедать. Мне кажется, что тринадцатый штрек не имеет конца, а врубовая машина — плод фантазии механика копеек. Над головами тяжело свисают антрацитовые арки, деревянные своды крепёжного леса. Вода во многих местах льется потоками, они журчат под ногами, скрываясь где-то внизу. Чугунные трубы насосов вылавливают ее там и выкидывают на поверхность.

Наконец вдаль мы слышим уханье. Если бы оно было длительным и с перерывами — можно было бы подумать, что где-то поют бурлаки. Но подземное уханье частое, прерывчатое, грозное. И чем оно ближе, тем громче, оглушительнее.

— Врубовая машина!.. — радостно кричит Реш и бегом несется вперед. Его лампочка раскачивается из стороны в сторону, словно фонарь на ветру. Причудливые тени падают на стены, на крепежный лес. Капли воды играют радужными огнями. Мы спешим, стараемся не отстать от Реша.

В темном углу забоя мерцают лампочки. Три человеческие фигуры возятся около машины. Узкое, длинное жало впирается в угольный пласт. Жилистая рука горняка ведет сверла от одной стороны пласта до другой. Затем сверла вынимают, перекидывают — и работа идет немного выше. Так слой за слоем машина отрезает по несколько сот километров угля за раз.

Двое подручных еле успевают отгрести раздробленный уголь. За спинами громоздится целый вал добытого угля. Мы взбираемся на вал, спускаемся к машине. Разговаривать невозможно. Машина глушит. Но машинист на минуту останавливает работу. Черной ладонью он размазывает на лице пот, облизывает губы. На сплошной угольной маске губы становятся кроваво-красными, белые зубы горят жемчугом.

— Скоро во всех забоях машины поставим. Обушки бросим. Разве вручную нарубишь столько? — смеется он. — Стране нашей вдвое больше угля надо думать. — Он обтирает лицо, пускает машину.

Вдруг сверло застревает в угольном теле. Машина дала несколько перебоев. Сверло подалось вперед и погрузило по комель. Рука горняка напряглась, жилы вздулись, на лбу сгрудились складки. Машинист торопливо закрыл кран, рванул сверло к себе. Все затихло. Реш бросился к стенке, осветил. Из угольной раны тонкой, неуверенной струйкой потекла ржавая вода... Вот она забила сильнее... У Реша уже залиты ноги. Напор воды усилился, отскочило несколько антрацитовых осколков, вода хлынула мощным, уверенным потоком.

— Эх, врезались в четвертый уклон!.. С четырнадцатого года стоял затопленным!.. — С горечью бросает машинисту и с помощью подручных оттаскивает машину на угольный вал.

Вода клокочет. Стенки бреши осыпаются. Ржавый поток грозно наступает на нас.

— Топит ведь!.. — неожиданно кричит один из подручных и бежит к штреку. — Топит!.. Топит!.. — Будит он тревожным голосом молчаливый мрак подземелья.

— Где лебедка?! Где телефон?! — спрашивает Реш. Он бледен, но старается быть спокойным.

— Телефон, лебедка недалеко!

Звонят телефоны. Штрек внезапно ожил. Из мрака забоев выползли встревоженные углекопы. Лошади сгрудились у лебедки. Может быть, их придется поднимать. Животные трясут головами, прядут ушами, нюхают воздух.

Вода грозным валом катится в штрек. Пока наверх сообщают о несчастье, в штреке уже залит вагонетный путь. Вода поднимается выше.

Люди бросают работу, бегут к ходовым на десятый штрек.

Я дергаю Реша за плечо.

— Пора выходить! Выводите!

— Да, идемте. Здесь без нас обойдутся. Говорят, что уже пущены в работу дополнительные насосы, едут техники, инженеры и выехал спасательный отряд.

Напором воды из забоев выбрасывает крепежный лес. Бревна, обгоняя друг друга, мчатся в темный мрак штрека. Мы поднимаем выше лампочки, оглядываемся. Каждый боится столкнуться с бревном. Ударом может не только сбить с ног, но и изуродовать.

Реш тревожно озирается. Ни он, ни мы не видим ни одного шахтера. Реш поднимает лампочку над головой, освещает штрек.

— Куда же ушли люди?

Внезапно я начинаю чувствовать полное одиночество, страх. Неужели мы действительно остались одни?

Вода с каждой секундой прибывает.

— Где ходовой? — иступленно кричит Реш, ловя какого-то запоздавшего шахтера.

— У восьмого жолоба!

— А где восьмой жолоб?

— Там, — на ходу бросает шахтер и исчезает во мраке.

Мы двигаемся с трудом. Ледяная вода пробирает до костей. Одежда липнет к телу, в сапогах вода. С надеждой смотрим на боковые выемки.

В каждой нише мы ищем жолоб, ходовой верх... Вода, уже выше пояса. Напором почти сбивает с ног. Вода ползет все выше и выше. Пора бы уже вылезти на сушу — но куда? Под землей нет ни одного островка. На берегах штрека не растут развесистые ветлы. Мелькает мысль: «В крайнем случае схватиться за бревно и отдаться воле подземного течения. Но что если штрек будет залит весь, до сводов, до потолка? Тогда — смертью. Дрожь пробирает тело.

— Где восьмой жолоб?! — кричим мы в темноту.

Но голоса тонут в холодном мраке. Мимо, покачиваясь, плывет бревно. На нем, тесно прижавшись друг к другу, сидят три мыши. Они беспокойно нюхают воздух и трясутся. Черные бусинки глаз смотрят на нас. Мы сторонимся, течение подхватывает бревно и уносит в темноту.

— Где восьмой жолоб!?

— Где восьмой жолоб!?

Вода уже по грудь. Неужели нет выхода?

Неужели нам придется вплавь разыскивать ходовой? Мы снова и снова истерически взываем:

— Где... восьмой жолоб?!!

Откуда-то сверху раздается насмешливый голос:

— Плыви, молодчик, ко мне... Покупались и будет. Влезай, посушись, жолоб-то здесь.

Мы спешим на зов. Мелькает тусклый огонек шахтерки. Нам он кажется ярким — это наш маяк, наше спасение.

— Чего боитесь? Выше горла вода не будет. Знаю я этот четвертый уклон, — воды не должно там быть большой...

— Спасибо и за это купание, — недовольно цедит Котов.

— Чего «спасибо». Сам, поди, полез в нашу реку.

Мы жадно хватаемся за лестницу и по ходовому поднимаемся к десятому штреку.

Рядом с трапом тянутся широкие чугунные трубы. Они вздыхают, дрожат, трясутся от водяного напора.

— Насосы-то пошли работать в три глотки. По семнадцати литров в секунду хлебают. Живо выкачают... — Тычет в трубы шахтер и лезет вперед.

На десятом штреке мы выливаем из сапог воду, отдыхаем. Реш молча улыбается, очки сползают на кончик чуть вздернутого носа. Мы с доктором злобно жмемся. Нам кажется, что Реш смеется над нами. Ведь впереди еще несколько километров подземного пути, а так хочется скорее на волю, к теплу, к солнцу. Реш, видимо, понимает наши желания. Он обещает идти прямым путем.

Мы опять шагаем по подземным улицам. И опять Реш идет неуверенно. Его шахтерка как-то странно скользит по стенам штольни. Куда он ведет нас? Почему встречаются старые забытые вагонетки? Ржавые колеса и рельсы красноречиво доказывают, что узкоколейная линия давно бездействует. Реш спотыкается о ветхие шпалы. Над головами свисает щепами крепежный лес. Местами путь засыпан глыбами черного отсырелого угля и камнями.

— Где мы?

— Десятый штрек... — тихо говорит Реш. — Здесь был обвал... Давно это, уже много месяцев. Мы, кажется, пошли не в ту сторону...

Реш смущенно поворачивает обратно. Мы торопливо следуем за ним. Тревога сжимает сердце. Как на зло сзади слышится сухой, резкий треск деревянных стропил. Где-то с грохотом скатываются камни. Мы бежим. Реш едва успевает за нами.

Впереди мелькают огни. Скорей к ним. Там люди. Под землей нет человека без огня, каждый шахтер имеет свою лампочку. Лампа — принадлежность шахтерского костюма, как шаровары и обувь. Можно работать полуголым, без рубахи, но без лампочки обойтись невозможно.

Мы вышли и столкнулись с каменщиками. Они здесь кладут перемычку. Каждый штрек имеет несколько таких перемычек — они необходимы на случай пожара.

— Зачем туда ходили? — Удивленно спрашивает пожилой шахтер, с лицом избитым оспой. У него на щеках такие выбоины, что в них смело можно уложит горошину.

— К седьмому... Ходовой искали...

— Ходовой за нами, а там завал. Давно обвалилось. Никто не ходит.

Мы присаживаемся и снова курим. Каменщики откладывают работу, тоже завертывают цыгарки.

III

Пока в Кизеловском угольном районе работают только старые шахты. За минувший хозяйственный год они дали 1400 тыс. тонн угля. Но пятилетний план положил на Кизел-район обязательство заложить и пройти еще шесть новых шахт.

Каждая шахта, по предварительному расчету, должна дать по 50 тыс. тонн угля — итого 3 млн. тонн. А вместе со старыми — около 5 млн. тонн.

Но в наше время бурного строительства проекты и расчеты одно, а темп, размах страны, воля пролетариата — другое. Совсем недавно долгие опыты обогащения кизеловского угля дали превосходный кокс. По качеству кизеловский кокс не уступает донецкому и кузнецкому. А этот фактор ломает и уральскую пятилетку по черной металлургии. Урал смело может отказаться от кузнецкого кокса и, пользуясь своим собственным, может довести выплавку металла с 3,5 млн. тонн до 8,5 млн. тонн.

Это выдвигает Кизел на одно из первых мест. Кизел-уголь одна из твердых опор социалистического строительства.

Кокс Кизела один из мощных резервов индустриализации СССР.

На узкоколейном электровозе мы мчимся на волю. Электровоз с грохотом пронесется по освещенному электрическими огнями тоннелю и останавливается у лебедки. Мы глубоко вдыхаем теплый летний воздух.

Реш выпрыгивает из вагонетки, протягивает руку к горе, к линии железной дороги. Там, гремя медным звеном колоколов, расходятся два электровоза широкой колеи.

— Вот этих вы еще как следует не разглядели. Эти электровозы только поступили в эксплуатацию. Они — первая смена паровозам, мы, кизеловцы, первые заменили пар электричеством. Теперь у нас к бункеру американские угольные вагоны подают не паровозы, а электровозы. Вожатый повернул рычаг, и сорок вагонов с углем пошли к станции. Ни дыму, тебе, ни копоти — экономия в топливе, в воде и управляет один человек. К концу пятилетки у нас таких электровозов будет штук двадцать. Всю нашу Луньевскую ветку, все сто двадцать километров покроем электрическими проводами. А пока у нас электрифицировано только 2 км. И развернуться-то негде.

Вздохнув, он ведет нас к железнодорожной линии. Но запыхавшийся механик останавливает коней:

— Попались, вымокли, испугались. Ну, не обижайтесь. Бывают такие случаи. Бывают. Но можете быть уверены, что через четырнадцать часов воду выкачаем и капельки не оставим. Не подумайте, что это оплошность машиниста врубовой машины. Он не виноват. Тут горный надзор сплошал. Не смог высчитать толщину стенки до четвертого уклона. Да и их винить нельзя. У нас чертежей-то всех нет. Старые владельцы, князя Або-Мелик-Лазаревы, все чертежи уничтожили... — Он кивает головой и мчится к Ленинской копи.

У каменных столбов входа в копь он останавливается и кому-то кричит:

— Еще добавить один насос. Взять с соседней копи. А суточную норму угля выработать во что бы то ни стало!..

Тяжело поднимая ноги, бредем к поселку. У электростанции я задерживаюсь. Группа шахтеров что-то горячо обсуждает. Я становлюсь сзади, прислушиваюсь.

— Соревнование, да разве после затопления мы угонимся? Разве нарубишь, хотя бы машиной...

Молодой задорный голос обрывает:

— ...А мы и машиной и обушками! В два ряда пойдем: один с машиной, другой вручную. Соревноваться, так соревноваться. Зачем, в таком случае, на доске цифры писать, тонны вывешивать. Смахнуть все к лешему и работать по-старинке...

— Жаркие больно, прыткие, ну и пробуйте, а мы наломали себе спину, кости трещат... Хватит с нас...

Бородач с сизым носом, шаткой, неуверенной походкой отделившись от группы, плетется к кооперативу.

— Эх, робя, зря у нас пивом торгуют, — говорит кто-то с сожалением. — Мешает оно нашей работе. Трудно с таким ладить. Ну, — решает он неожиданно бодро, — и без них обойдемся!..

— Обойдемся!

И обошлись. На другой день я узнал, что в течение шестнадцати часов вода из тринадцатого штрека была выкачана. А к вечеру мой хозяин сообщил, что ударная бригада

молодежи превысила норму суточной выработки. Они наколотили уже 140 %, но до конца рабочего дня еще осталось пять часов.

— Так они в две смены в один день покроют простой!

ГОЛУБОЕ ОЗЕРО

I

Слева от шоссе на Губаху, за вырубкой, за холмами, в глинистой почве которых сейчас находят железную руду, лежит Голубое озеро. От города Кизела до озера километра два, два с половиной. Голубое озеро — еще молодой водоем. Если его года «жизни» сравнить с годами любого водоема на земле, Голубое озеро будет между ними желторотым птенцом. И величиной оно не может похвалиться: его ширина четверть километра, а длина едва измеряется полкилометром. Между красных глинистых скатов, в хороводе суровых елей и пихт. Голубое озеро напоминает осколок цветного стекла, отскочившего от окон хоромов бывших владельцев копей, князя Або-Мелик-Лазарева.

История Голубого озера коротка. До мировой войны на месте озера добывали руду. Тяжелые комья, ржавые куски глины и посеячас разбросаны по дороге к городу, на Губахинском шоссе и по берегу. Местные геологи уверяют, что вокруг озера сотни тысяч тонн железной руды. До войны в Кизеле был свой металлургический завод. Он работал на этой руде. Сейчас завода нет. Его здание приспособлено для городского клуба. Да в нашей обстановке, в нашем индустриальном темпе оно больше никуда и не годилось. Однако в план великой пятилетки вошла постройка нового металлургического завода. И железная руда из недр окрестностей озера должна сказать свое веское слово.

Бывший владелец Кизеловского металлургического завода князь Або-Мелик-Лазарев по каким-то причинам счел нужным передать свой завод в полное ведение своего управляющего. Наказ князя был короткий:

— Делай что угодно, но ни копейки убытку. Мне завод должен выпускать для копей кое-какое оборудование, а дальше — ты хозяин.

В общем управляющий получил в собственность завод, рудники и прибыль.

Как вел работу княжеский прихлебатель, каким образом он добывал руду, что производил — история умалчивает. Только старожилы рассказывали мне, что в одну из осенних ночей самый главный рудник при заводе провалился. Ходит слух, что выработки велись хищническим образом. К счастью, человеческих жертв не было. Ночной перерыв спас не одну сотню людей. Утром рудокопы на месте разработок нашли яму глубиной около сотни метров. Сбоку, с гор выбивался ручей, вода, весело переливаясь, ползла в яму, медленно наполняя воронку.

Прошел месяц. На месте провала образовалось мутное, илистое озеро. На берегах, в жидкой глине ребятишки вязли чуть ли не по пояс. Деревья, сорвавшись с круч, сползли в воду, уперлись вершинами в дно. Ребята с задорными криками мазались глиной, мастерили плоты, плавали, воображая, что перед ними бурное море. Зимой те же ребята катались по первому льду озера на самодельных коньках — деревянных колодках.

Через год озеро чуть посветлело. На дне образовался грязноватый налет с каким-то странным голубоватым оттенком. Летом несколько взрослых парной сунулись купаться. Вода была густая, тяжелая — человек семь утонуло. Про озеро пошла дурная слава. Матери пугали им детей, придумывали небылицы.

II

Весной 1914 г., когда растаял на озере лед, устоялась мутная весенняя вода — озеро поразило жителей своей окраской. Оно перекрасилось в настоящий голубой цвет. Горные техники, инженеры первое время пробовали уверить, что окраска воды зависит от цвета неба. Но каково было их изумление, когда вода, налитая в стакан, оказалась с бирюзовым оттенком. Вода не только на воздухе, где виновником опять могло быть небо, но и дома, в комнате, имела голубой прозрачный цвет. Вода и ночью при свете электричества не меняла его.

Инженеры удивленно скосили глаза, развели руками и разошлись. Анализа никто не догадался сделать. Он и до сих пор не произведен. Правда, какой-то доморощенный химик, не то житель города Кизела, не то сотрудник химической лаборатории Губахинских копей, пробовал выпаривать воду. Он получил на дне колбы какие-то крупинки и на этом успокоился. Кто окрасил озеро, почему голубой цвет преобладает, что растворено в воде — загадка.

Меня уверяли, что этот цвет от окисления железа. Но, ведь, насколько мне известно, рудное железо в воде дает ржавые оттенки. А здесь, в озере, прозрачная голубая вода. Если взобраться на ближайшую гору и заглянуть с нее в озеро, то видно дно. Оно завалено стволами деревьев и покрыто мелкой кисеей светло-синего налета, следовательно, налет есть осадок. Не с этого ли налета нужно начать химикам. Может быть в нем секрет окраски?

И еще одно странное обстоятельство. С 1914 г. прошло полных 15 лет. За это время ребята пробовали пускать в озеро карасей, гоняли к нему домашних уток. Но караси погибли, утки, выкупавшись в голубой воде, перешли в болото, что раскинуто в нескольких шагах от озера. В течение 15 лет ни в озере, ни на берегу нет жизни. В нем плавали только трупы смельчаков, рискнувших переплыть его.

III

У Голубого озера я провел часов восемь. Я его снял, конечно, самое существенное, цвет озера, на пластинку запечатлеть не удалось. Когда я, завернувшись в пальто, старался навести фокус, меня поймали на другую пластинку в довольно-таки комической позе.

В озере я несколько часов пытался найти жуков, пиявок — их много в соседнем болоте, за горой, в реке Сухой Кизел, притоке Желтого Кизела. Потерпев неудачу, я кинулся искать стрекоз, водяную мошкарку, наконец, чуть ли не ползком исследовал кромку берега — думал напасть на побеги водяных растений, но ничего этого не было. Озеро упрямо избегало жизни.

С противоположного берега надо мной зверски издевались трое праздношатающихся охотников. Затем они придумали игру: открыли залповую стрельбу по воде. Чтобы не быть случайной мишенью, пришлось обследование озера закончить и отправиться во-свояси.

Возвращаясь, мне пришла в голову интересная мысль. В недрах северного Урала вместе с углем, железной рудой, кварцем преобладающее место занимает известняк. Но его ли вина в провале озера, не подземные ли воды подточили своды рудника? И второе — не повлиял ли известняк на окраску озера?

ВИШЕРСКАЯ ПЕЩЕРА

I

В полдень меня встревожил вой собаки, пронзительные крики ребят, беготня в доме. На дворе голосили взрослые, скрипели телеги. Я только что готовился отправиться исследовать знаменитую Вишерскую пещеру. Для этого путешествия приспособливал свой фотографический аппарат, ладил машинку для вспышки магния. Обронив машинку, я второпях наступил на нее, раздавил, подхватил аппарат подмышку и выскочил на двор.

На улице, во дворе, внизу под горой стояли люди и, задрав вверх головы, беспокойно осматривали небо. С запада слышался гул, словно приближался снежный буран. Я посмотрел в сторону шума: из-за гор, от темной синевы леса, прямо на нас, на Ленинский поселок, надвигалась стальная сигара.

— Граф Цеппелин! — сразу узнал я дирижабль. Он совершает кругосветное путешествие, ведь сегодня же мы читали об этом в газетах!

Цеппелин медленно напознал на Кизел, словно намеревается придавить копи своим громоздким телом. Непривычный шум его моторов глушил людей далекого Урала, пугал животных. Воздушный корабль важно проплыл над шахтами, мне показалось, что даже снизился, и затем, уже за городом, забрал носом верх и скрылся на востоке.

Но когда он был над нашим двором, кто-то крикнул:

— Снимает, нас фотографируют!..

Этот крик заставил меня вспомнить, что у меня в руках есть аппарат. Я мигом всадил кассету, поставил фокус на бесконечность и видеоискателем нацелился на воздушную торпеду. Снимок оказался удачным. Первыми цеппелин сняли любители. Цеппелин шел со скоростью 140—150 километров в час, но нам с земли казалось, что он ползет не быстрее крестьянской телеги. Я мог бы с неменьшим успехом снять его еще несколько раз, но, к сожалению, не было свободных пластинок.

II

Цеппелин помог мне найти проводника. Крепкий мускулистый слесарь с Ленинской электростанции заинтересовался моим аппаратом и, узнав, что я готовлюсь к походу на пещеру, вызвался быть моим чичероне. В пещеру он заглядывал раза три.

Пещера была около деревни Вишера — от Ленинского поселка километрах в шести, а от деревни в двух. К ней мы подошли часа в три дня. Лето на Урале нынче было особенно жаркое, знойное, душное. Нас всю дорогу мучила жажда, тянуло под каждую тень. И мое желание осмотреть пещеру отошло на задний план, хотелось скорее забраться под землю и в прохладе отдохнуть.

Вход в пещеру был удивительно примитивен.

Узкая нора, по которой пришлось ползти на коленях, тянулась метров на 15. И только после длительного испытания в ползании мы смогли встать на ноги. Я засветил электрическую лампочку.

Сноп лучей ослепительно заиграл на стеклянной поверхности сталактитов. Лампочка скользнула ниже, острые шипы сталагмитов выползли из мрака. Где-то в глубине водяные капли методично звенели о гладь неизвестного озера. Мы были в первой зале.

В пещере действительно было прохладно, сыро, в воздухе чувствовался привкус соли. Я с любопытством осматривал известковые отложения. Но проводник потянул меня дальше.

— Пойдем, пойдем, там такие хоромины...

Он взял меня под руку, и мы важно зашагали по коридору, покрытому необыкновенной штукатуркой, с причудливой резьбой. Сталактиты украшали стены, потолок, сталагмиты колоннами липли к нам. Сосульки сверху и снизу тянулись друг к другу.

В первых залах вершины сталактитов и сталагмитов оказались обломанными. Под ногами валялись обертки от папирос: «Басма», «Пушка». «Бокс», спички, окурки. На берегах небольших подземных озер сохранились свежие отпечатки босых ног.

— Вишь, экскурсии чем занимались...

Но чем мы дальше углублялись в пещеру, тем было меньше следов человеческого пребывания. Сталагмиты поражали своей цельностью, сталактиты как-будто намеревались поразить нас сверху острыми пиками. Пройдя километра три, за поворотом у безымянного подземного ключа мы наткнулись на жабу. Похожая на рукавичку, она стремительным прыжком бросилась на меня. Я брезгливо отступил назад. Жаба в один прыжок настигла и приклеилась к моему сапогу. Я сбил ее и каблуком придавил голову. Жаба конвульсивно вздрогнула, вытянулась.

— Убил?

— Да.

— Ну, не будет кусаться.

Мы зашагали дальше. Неожиданно в глубине пещеры послышались еще какие-то шаги. Мы остановились, прислушались — шаги замерли. Я вопросительно посмотрел на своего проводника.

— Поди кто-нибудь еще осматривает. Запрету на эту пещеру нет.

Хотя в его словах можно было уловить сомнение, но я поверил. Но через несколько минут шаги неизвестных посетителей заставили нас снова остановиться. До этой минуты мне казалось, что в пещере мы одни — наши голоса терялись в темной дали подземелья, иногда возвращались гортанными вздохами, но все равно мы узнавали их.

Но шаги определенно были чужие, они всегда возвращались позднее звуков голоса. Видимо кто-то шел по нашим следам или стороной, или двигался впереди, но обязательно принаравливался к нашему движению. Однако здравый смысл говорил, что это гул наших ног о почву. Но разве мы могли под землей, во мраке, среди известковых отложений и притом в новом, необычайном окружении подчиниться здравому смыслу!

Качур, такова была фамилия моего спутника, постоял, подумал и вдруг, рванув меня, кинулся вправо.

— Не хочу встречаться под землей с людьми. Кто их знает, какие они.

Он осветил шахтеркой правый коридор, оказывается, мы попали в громадную залу. Ледяные кружева свисали с потолка. Арки, колоннады, барельефы на сталагмитах украшали стены. В темном конце тихо спало озеро, оно казалось застывшим, покрытым тонким слоем первого осеннего льда.

— Стой, да это и есть главный ход. Мы с тобой чуть не заплутались...

Обрадовавшись своему открытию, Качур теперь тащил меня то вправо, то влево. Я часто засвечивал свой электрический фонарь и в его лучах любовался игрой известняка. В каждой зале сталактиты и сталагмиты имели свои особые оттенки.

От прозрачно голубых до оранжевых и розоватых — из них можно было без труда подобрать весь спектр.

Вдруг сзади мы услышали опять таинственные шаги. Мы прижались к толстому сталагмиту, долго прислушивались, выжидали. Наш неизвестный спутник, видимо тоже остановился, шагов не было слышно. Я озлился, выскочил на середину залы и громко крикнул, чтобы люди шли к нам, а не прятались. Эхо ответило мне путанными окончаниями моих слов. Я не успокоился и злобно ударил о подножье сталагмита ногой. Спустя несколько секунд отголоски удара вернулись ко мне. Я топнул ногой три раза — три звука с вибрацией вернулись обратно. Я весело рассмеялся. Разгадка была найдена. В этой пещере звуки по земле возвращались медленнее голоса — видимо они задерживались широкими ступнями сталагмитов.

III

Известковые пещеры, особенно в районе Кизела, обыкновенное явление. Известняк и доломиты наиболее растворимые вещества. Правда, легче пещеры образуются в гипсах. Но гипсовых пещер на Урале я не встречал, может быть, я недостаточно знаком с Уральским хребтом.

Для известковых пещер наиболее характерны новообразования или так называемые капельники. Это как раз те сталактиты и сталагмиты, которые были передо мной в Вишерской пещере. Поверхность капельников гладкая, блестящая, с матовым оттенком.

Сталактиты свисают с потолка, сталагмиты поднимаются вертикально, часто они ползут и по стенам. В Вишерской пещере ползучих сталагмитов очень много. Образование тех и других происходит просто. Вода с поверхности, просачиваясь в землю, растворяет известь. Содержа в себе уже углекислую известь, вода скопится на потолке, на стенах испаряется, лишается своего известкового состава (CO₂). В силу этого углекислая известь выпадает из раствора, остается на потолке, на стенах. Так капля за каплей нарастает сталактит.

Соскальзывая с сосульки сталактита, капля падает на пол. Там происходит такой же процесс испарения. Сначала капли делают себе громадную ступню, мало-помалу ступня растет, тянется вверх, заостряется и дальше вытягивается в сталагмит.

Встретившись, сталагмиты срачиваются со сталактитами, иногда они опускают с боков хребты, перья или колоннами подпирают потолки. Подземные ручьи, реки день за днем расширяют свои владения, размывают известняки, образуют залы, коридоры, оставляют озера.

Приняв во внимание обилие в районе Кизела известковых отложений, можно с уверенностью сказать, что здесь мы можем встретиться еще с несколькими пещерами. За это говорят следующие факты: река Кизел имеет около десяти притоков, которые почти все носят общее название Кизел с прибавлением характера и направления течения, так: Сухой Кизел, Северный Кизел, Западный Кизел, полуденный Кизел и т. д. Летом большая часть этих кизелов исчезает. Остается одно только сухое, каменистое дно. Над тем, куда исчезают кизелы, задумываться не приходится. Кроме наземных русел, эти реки имеют еще и подземные русла. Весной в большую воду подземные русла переполняются или почва еще настолько тверда (мерзлая), что вода не может пробиться вглубь, и кизелы мчатся по земле, весло шумят, рокочут. Но с первыми же теплыми днями, примерно, во время цветения трав, большая часть кизелов исчезает. Они скрываются в тень, в мрак, под землю — не хотят видеть солнца.

История образования Вишерской пещеры, по-моему, аналогична появлению и исчезновению кизелов. Но однако Вишерская пещера поражает своими размерами. До сего времени еще никто не занимался ее детальным исследованием. Пройдено всего около 10 километров. Может быть, она тянется не на один десяток километров — этого никто не знает. Ее направление на восток заставляет предполагать, не пересекает ли она под землей Уральский хребет? А если пересекает, то не пользовались ли ей в древнее время пещерные люди? Мне кажется, что пещера сулит много интересного.

— Как ты думаешь, где конец пещеры?

— Конец, — усмехнулся Качур, — да выхода в этой пещере как-будто нет. Не нашли еще.

— Позволь, неужели никто не интересовался?

— Ходили, брат, многие, да пройдут километров 10 и точка. Конца не видят, потолкуются и обратно. Ведь если здесь заплутаешься, то гибель верная — это тебе не лес. Правда, был у нас тут один человек, любитель собирать кости разные, камни, на которых видны были скелеты рыб, птиц, и вот говорил он, что пещера идет к Половинке, к Медвежьему Спою, а эта скала как раз на хребтовине Урала, значит направление нашей пещеры на Азию.

Впоследствии я нашел несколько человек, которые посещали Вишерскую пещеру. Они в один голос утверждали, что километров на 10, на 12 бывали, ну а дальше не ходили, боялись заплутаться. Однако к рассказу Качура ничего не могли добавить.

Нам пора было выбираться. Качур шагал впереди. Свет его шахтерской бензиновой лампочки багровым пламенем играл на сталактитах. Ледяные столбы вспыхивали, горели, потухали. Когда я засвечивал свой электрический фонарь, темные длинные тени ложились под ноги.

На часах семь. Там, на поверхности, вечер, а здесь ночь. Мне хочется скорее выбраться на волю. Однако приходит в голову, что сейчас под землю, во мраке, не мы одни. Где-нибудь под нами тысячи углекопов напрягают свои мышцы, добывают для страны твердое топливо. Они там за делом.

Проходит еще час. Я напрягаю память, стараюсь припомнить, найти знакомые арки, колонны, узоры свода — и везде все одинаково. Мне неожиданно стало страшно, жутко, ведь я не могу ориентироваться. Вот сейчас я не знаю, были ли мы в этом коридоре, зале. Мой фонарь шарит по низу. Я указываю на землю моему спутнику. Ведь мы как-будто идем обратно, а на мокрой глинистой почве нет отпечатков наших ног. Видимо мы зашли в одно из многочисленных ответвлений пещеры. Фонарем мы освещаем зал, осматриваем почву за сталагмитами — никаких признаков человеческого посещения. Вот мелькает гладь подземного озера, оно какой-то странной формы, длинное, со множеством заливов и размером много больше тех, которые мы встречали до сего времени.

— Заворачивай обратно, — не та дорога...

Я послушно поворачиваю. По своим следам мы выбираемся к узенькому проходу с аркой. От этого прохода мы, видимо, и повернули. Находим старые следы, шагаем по ним... Из-за угла, из мрака какой-то ниши вылетают две летучие мыши. Они кувыркаются в свете моего фонаря, ныряют во мрак, снова появляются. Они, видимо, встревожены необыкновенным светом электрического накала, для них он ослепителен, ярче солнца.

— Выход близко, — бодро бросает Качур.

Но выхода опять нет. Мы снова у озера с заливами, мы опять на этом проклятом ответвлении.

Шагаем еще раз к арке, по пути делаем заметки на сталагмитах, у многих обламываем вершины — они остаются сзади, напоминают инвалидов. Сюда к ним мы уже не вернемся, эти известковые култышки порукой.

В лицо пахнуло ветром. В глубине, за нашими спинами он завыл, завизжал, замер. Теперь мы шагаем бодрее, сквозняк, наверняка, дует из выхода. Ноги вязнут в грязи, а вот почва повышается, суше. Ба, мертвая жаба!

— Гляди, гляди, ведь, я ее ухлопал недалеко от входа. А вон след моего каблука.

Луч моего фонаря нащупывает обертки от папирос, Качур становится перед ними и качает головой.

— Взаправду мы здесь бывали. Я тебя говорю, слушай: заплутаться здесь мы не можем, а вот пробродить могли бы. Ну, теперь скоро ужин...

И Качур так начинает вышагивать, что я еле поспеваю за ним. Наконец где-то он поворачивает, исчезает. Я с недоумением его ищу. В стороне мелькает огонь шахтерки. Я спешу к нему. Качур кричит:

— Лезь, я уже скоро дома...

Я падаю на колени и, как огнепоклонник, ползу по узкому горлу выхода к свету. Но однако куда же Качур меня ведет — света нет? Отстать я боюсь и тревожно спрашиваю:

— Качур, мы опять не туда попали...

Мой голос гложет. Свежо, обдувает теплым ветерком. Я нажимаю кнопку фонаря, передо мной вырастают мягкие ветви уральских пихт.

— Да вставай же ты, какой право смешной, что зверь с огнем.

Я растерянно задираю голову. Где я? Все еще не могу сообразить, что из пещеры мы уже выползли.

— Вставай, говорю, вставай, — трясет меня за плечи Качур.

Я медленно поднимаюсь, Качур достает папиросы, дает мне, закуривает.

— Вишь, как тебя пещера обделала, чего ты, как очумелый.

— Понимаешь, день был, жарко, солнце, — растерянно бормочу я.

— Ты вон про что. Ну, брат, на часы взгляни. Ночь сейчас на дворе, и там в пещере ночь была, она тебя за мозги и тряхнула. Шагаем к Кизелу, дорога не ближняя.

Я смотрю на часы. Стрелки стоят на одиннадцати. Вон оно что.

— Ну, спасибо, Качур, — я громко смеюсь, и мы торопливо идем к копиям.

